

А.Д.Семкин

К ВОПРОСУ О ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ М.М.ЗОЩЕНКО

Статья посвящена различным вариантам актуализации в творчестве М.М.Зощенко тесно связанных между собой мотивов смысла жизни, цели существования, жизненного успеха или неуспеха, представляющими его телеологическую парадигму. Рассматриваются как размышления на эту тему самого писателя в его личных записях, так и веер возможных мировоззренческих моделей, нашедших отражение в творчестве Зощенко на протяжении всего творческого пути.

Ключевые слова: мировоззрение, телеологическая модель, цель, смысл жизни, жизненный успех, парадигма моделей, предназначение

Тема настоящей работы — актуализация в творчестве Зощенко тесно связанных между собой мотивов смысла жизни, цели существования и жизненного успеха или неуспеха. В каждом конкретном случае упоминание в произведении этих мотивов неминуемо означает и описание определенной мировоззренческой модели. Совокупность основных вариантов реализации этой проблематики, выявленных в общем корпусе текстов того или иного автора, то есть случаев постановки вечных вопросов о смысле, а значит попыток ответа (самим автором, повествователем, героем) мы и обозначили как телеологическую парадигму данного автора. В классической, «платоновской» телеологической перспективе поведение человека рассматривается как сознательное, преследующее определенные цели. Априори предполагается возможность для каждого действующего индивидуума предвидеть возможный ход событий в их последовательной взаимосвязанности и соответствующим образом выстраивать свое поведение [1-3]. Можно использовать и русское слово целеполагание. Этот термин предполагает несколько иную расстановку акцентов: главное в этом случае — в «формировании цели как субъективно идеального образа желаемого и воплощении ее в объективно реальном результате деятельности ...» [4].

Итак, совокупность названных выше мотивов мы определяем как парадигму или веер возможных мировоззренческих моделей. Мы уже обращались к исследованию в этом аспекте творчества А.П.Чехова и С.Д.Довлатова в докладах «Или знать, для чего живешь, или же все пустяки, трин-трава. К вопросу о телеологической парадигме чеховского мира» (доклад прочитан на чеховской конференции в Ялте в 2016 г.), «Для каких таких высших целей они страдают и для чего они живут» (доклад прочитан там же в 2017 г.), «Телеологическая парадигма Сергея Довлатова. Возвращаясь к Чехову» (доклад прочитан на конференции в ГЛМ «XX век» в 2016 г.). В случае Чехова парадигма особенно наглядна: он захватывал материал современной ему жизни очень широко, поэтому не будет преувеличением сказать, что Чехов дает общую картину мировоззренческих моделей, актуальных для его эпохи.

Но может ли быть рассмотрено под этим углом зрения творчество Зощенко? Сама постановка вопроса способна вызвать некоторые сомнения, даже словосочетание «смысл жизни» встречается у него крайне редко — в отличие от Чехова, образованные герои которого на эту тему рассуждают постоянно, по любому поводу, а чаще и без всякого повода (а герои необразованные о том же мучительно тоскуют, не умея оформить тоску в слова). Да что Чехов — «телеологическую» составляющую легко обнаружим у любого писателя, хоть скольконибудь претендующего на философское осмысление действительности, вплоть до М.Бубенного и С.Бабаевского...

Только не у Зощенко. Вспомним его сюжеты — анекдотические ситуации, простодушные герои, кажется, в принципе не способные к рефлексии.

Сомнения эти представляются сегодня, когда Зощенко прочно занял свое место в ряду классиков русской литературы, неосновательными, связанными с банальным представлением о несерьезности зощенковского текста; в действительности же вопрос о телеологической парадигме М.М.Зощенко достаточно важен и интересен. Ответ на этот вопрос предполагает два аспекта.

Первый касается того, что можно обнаружить на эту тему в личных записях писателя, в его переписке, в наиболее «интимных» текстах.

Размышления начинающего писателя Зощенко очень характерны для человека, мыслящего, ищущего и очень молодого: в записных книжках 1917—1920-х гг. читаем: «Нужно придумать цель в жизни. Придумать идею. Или иметь в своей душе <...> Цель жизни — найти призвание». [5, с. 5]. И цель эта прежде всего связана с литературой, со словом: «Самое важное в жизни — слова. Из-за них люди шли на костры» [6, с. 109].

Приведем характерный фрагмент из воспоминаний жены писателя: «В декабре восемнадцатого года он зашел ко мне, приехав на несколько дней с фронта, из Красной Армии. В коротенькой куртке, переделанной им самим из офицерской шинели, в валенках... Я сидела перед топящейся печкой — в крошечной моей „гостиной“ на Зеленой улице, дом 9.

Он стоял, прислонившись к печке.

Я спросила его:

— Что же для вас самое главное в жизни?

И была уверена, что услышу: „Конечно же, вы!“

Но он сказал очень серьезно и убежденно:

— Конечно же, моя литература...

И это была правда. Правда всей его жизни, потому что не было у него ничего „главное“ его литературы, которой он отдал всего себя без остатка» [5, с. 5-6].

Кстати, приведенная выше фраза о жизненной цели в другом источнике приводится несколько по-другому, оканчивается иначе — и эта редакция позволяет лучше понять, что же для него литература:

«Нужно придумать цель в жизни. Придумать идею. Или иметь в своей душе.

Но, может быть, цель в жизни — это стремление к бессмертию?.. Жажда бессмертия владеет всеми... Душа стремится к великим вещам, ибо в великом часто «бессмертие». [6, с. 111-112].

В зрелые годы пафос сменяется трезвым рассуждением: «Смысл жизни не в том, чтобы удовлетворять желания, а в том, чтобы их иметь». («Возвращенная молодость» [7, с. 194]).

Или так: «Вообще говоря, неизвестно, сколько человеку всего нужно. Наверное, больше того, чем сколько ему нужно, и не менее того, чем сколько он хочет». («Голубая книга» [7, с. 341]).

Есть интересная запись конца 1930-х: писатель перебирает варианты способов устройства жизни, по сути дела он уже здесь исследует совокупность телеологических вариантов:

«Человек в 40 лет заторопился жить. Все равно. Все безразлично перед лицом смерти. В том-то и дело.

Хочет прославиться. В буржуазной стране разбогател бы. А тут хочет ордена, власти.

Некультурный человек. У него идея — не надо сознания... „Я хочу жить не сознанием, а инстинктом“.

Перевоспитывает женщину.

Страхуется на все случаи жизни.

Спасает свою жизнь, ради этого идет на все — подхалимничает, врет.

Стремится к власти...» [6, с. 123].

По-видимому, далее предполагалось художественное исследование каждой конкретной телеологической модели — ироническая презентация еще одного способа распорядиться собственной жизнью. Впрочем, рассказов таких у Зощенко немало, для нас важно, что здесь они представлены именно в виде реестра возможностей.

В годы зрелого творчества основная интонация телеологических размышлений писателя — все более и более скептическая: «Жизнь, на мой ничтожный взгляд, устроена проще, обидней и не для интеллигентов». (Письма к писателю [8, с. 407]). Это усталая усмешка философа, все знающего о жизни и разочаровавшегося в ней. В «Голубой книге» в качестве идеального оппонента вводится такой созданный воображением Зощенко философ — что интересно, идейно враждебный, буржуазный, воплощающий альтернативную точку зрения: «Да, так вот я и говорю, <...> в сущности, жизнь нереальна... Так пусть себе забавляются народы — устраивают оперетку <...> Все — игра. Понимаете? А вы хотите жить всерьез. Простите — как это глупо». (Голубая книга, [8, с. 658]). Однако внимательного читателя трудно обмануть очередной маской — уж слишком это высказывание напоминает самого Зощенко. И вот в интернете появляется и выдается за цитату из той же «Голубой книги» (происхождение неясно), более того, получает статус одного из главных афоризмов писателя, его кредо, — сентенция, совершенно аналогичная выше приведенной: «Жизнь слишком скоротечна, чтобы устраиваться в ней так основательно, так всерьез». Парадоксальная ситуация: размышления вымышленного оппонента оказываются настолько убедительны, что визитной карточкой подлинного писателя Зощенко становится вымышленная, так сказать, типологически близкая фраза...

Заслуживает упоминания уникальный вариант, где Михаил Михайлович, еще в молодости объявивший себя — отчасти ерничая — «пролетарским писателем», теперь уже абсолютно всерьез встает на сторону этой простоты, если взглянуть пристально — того же Васи Былинкина, но в иных исторических обстоятельствах: овеянного героикой будничного партизанского подвига и сильного безоговорочной правотой победителя. Напомним, речь идет об одном из самых странных экспериментов Зощенко, о военных рассказах, посвященных партизанам Ленинградской области, о цикле «Никогда не забудете». Там чудом сохранившийся до сорок четвертого года типичный чеховский интеллигент (вплоть до бородки и пенсне) приходит все с теми же вопросами в партизанский отряд:

«Комиссар окликнул «профессора», глаза которого были сомкнуты:

— Ну а в своей молодости, профессор, вы же не были таким, как сейчас?

У. открыл глаза. Кротко взглянул на комиссара. Сказал:

— В молодости? Нет, пожалуй, это был наиболее трудный период в моей жизни — молодость. Хотелось для себя решить вопрос о смысле жизни, об отношении к смерти...

Радист с удивлением посмотрел на У. Отвернулся, желая скрыть улыбку, которая пробежала по его губам. Сказал, обращаясь к комиссару:

— Эти вопросы, товарищ комиссар, мы практически разрешаем на войне и в тылу» [9, с. 543].

Теперь обратимся ко второму аспекту: как эксплицируется эта тема непосредственно в художественных текстах?

В произведениях Зощенко телеологическая модель присутствует, с одной стороны, напрямую — как сознательный напряженный поиск истины:

«Стал с тех пор поп знаменья ждать. Опять извелся, расстроился, вовсе бросил свое рыбачество. Ходит,

как больной или в горячке, во всякой дряни сокровенный смысл ищет». (Рассказ про попа [10, с. 305]). С другой стороны — через не осознанное порой им самим ощущение: «...жил человек, и вдруг все в жизни показалось ему жалким и ненужным. Все лучшие человеческие качества, как, например, благородство, гордость, тщеславие, показались смешной забавой и бирюльками. И вся прелесть прежнего существования — любовь, нежность, вино — стала смешной и даже оскорбительной» («Мудрость» [8, с. 221]).

Попробуем охарактеризовать некоторые наиболее наглядным случаи актуализации данной проблематики у Зошенко, определив таким образом важнейшие для него телеологические модели.

Приступая к телеологии Чехова, мы сформулировали: «Наиболее простым вариантом следует считать разные случаи сугубо практического целеполагания, когда мечты о будущем сводятся к убогим, чисто физиологическим желаниям а отношение к высшей ценности, единственной жизни характеризует примитивная утилитарность...» [11, с. 25].

У Зошенко достижение определенного практического результата в денежном или любом материальном выражении, получение определенной пользы, успех или выполнение определенной жизненной программы — это не простейший, а центральный, важнейший вариант рассматриваемой парадигмы. С некоторым даже сочувствием изображает Зошенко человека, обладающего абсолютно ясной картиной мира — как будто других измерений и не предполагается. Так, в рассказе «Жених» семейная жизнь необходима прежде всего для совместной пахоты, жена — просто разновидность рабочей скотинки, и когда она умирает — трагедия состоит именно и только в нехватке рабочей силы:

«Брендит баба и мечется, и с печки падает, а к ночи помирает.

Взвыл я, конечно. Время, думаю, горячее — тут и носить, тут и косить, а без бабы немислимо. Чего делать — неизвестно» («Жених») [10, с. 485].

Для героя рассказа смысл в работе как таковой, не в человеческих отношениях, а только в выполнении определенной жизненной программы. И вновь вспомним Чехова — та же ситуация абсолютной бесчувственности на фоне смерти единственного близкого человека описана в «Скрипке Ротшильда». И объясняется теми же причинами — телеологической моделью «пользы» (в случае Бронзы — убытков).

У классического героя Зошенко понятие жизненного успеха также нивелируется до элементарной пользы, легко поддающейся исчислению практической цели — пользуясь саркастическим определением Зошенко, «ливерной колбасы»: «Одним словом, это была поэтическая особа, способная целый день нюхать цветки и настурции или сидеть на бережку и глядеть вдаль, как будто там чего-нибудь имеется определенное — фрукты или ливерная колбаса» [12, с. 602].

Смотреть вдаль можно и нужно, если там есть какая-то цель. А целью может быть только что-то конкретное. Польза. Эта конкретика организует жизнь, и ради этого исчислимого успеха можно рискнуть семейным счастьем — продать на время собственного мужа («Рассказ про одну корыстную молочницу»). Или здоровьем — кататься до рвоты на бесплатной карусели («Карусель»). Эта наглядная и ясная цель-польза дает силы продолжать борьбу даже перед лицом смерти — в «Рассказе про одного спекулянта» человек, умирая, думает только о том, как спасти это реальное выражение собственного жизненного успеха. «Поскольку, — думает он, — я помру, а тут кто-нибудь шарить начнет. А мне это неприятно. И пушай это золото у меня в брюхе лежит, чем кто-нибудь им воспользуется» [8, с. 356].

Финальную точку в этой теме ставит рассказ «Дама с цветами», где идеальное начало терпит окончательное и сокрушительное поражение. Собственно, цель писателя и состояла в том, чтобы показать, «что всякая мистика, всякая идеалистика, разная неземная любовь и так далее, и тому подобное, есть форменная брехня и ерундистика. И что в жизни действителен только настоящий материальный подход и ничего, к сожалению, больше» [12, с. 599].

И вот что особенно интересно: прислушаемся к голосу, излагающему историю о том, как все просто в жизни:

«Так вот, дозвоьте старому грубоватому материалисту, окончательно после этой истории поставившему крест на многие возвышенные вещи, рассказать эту самую историю» [12, с. 600].

Разумеется, это не вполне авторский голос, не сам Зошенко, а одна из его масок, его героев-рассказчиков — и этот рассказчик оказывается очень близок классическому зошенковскому герою: и Володину из повести «Сирень цветет», считавшему, что «без корысти никто никогда и ничего не делает» [8, с. 218], и забываемому Васе Былинкину:

«И тогда Лизочка, заламывая руки, не раз спрашивала:

— Вася, как вы думаете, о чем поет этот соловей? На что Вася Былинкин обычно отвечал сдержанно:

— Жрать хочет, оттого и поет» («О чем пел соловей» [8, с. 140].

Такова, как нам кажется, общая тенденция творчества Зошенко: с годами все чаще позиция героя оказывается и позицией рассказчика. А далее — осмелимся предположить — недалеко уже и до самого автора.

Рассмотрим наиболее показательный случай: модель осуществившегося успеха, то есть счастья. Речь идет о рассказе, который так и называется, «Счастье», и представляет собой, по нашему мнению, один из самых важных, ключевых текстов Зошенко — наряду с такими глубокими рассказами-притчами, как «Серенада», «Испытание героев», «История болезни», «Огни большого города». Как уже сказано выше, мотив счастья, успеха и собственно вопрос о смысле неразрывно связаны. Особая дружеская интонация, интонация задушевной беседы с читателем, с одной стороны; голая, очищенная от любых отвлекающих попыток

украшения и развлекательства, можно сказать абстрактная чистота ситуации, с другой; наконец, безоговорочность вывода — позволяют предположить в этом рассказе особенный замысел. Может быть, продемонстрировать некую идеальную, особенно значимую телеологическую модель? Вопрос, которым текст открывается, — по сути дела эпиграф аккумулирующий проблематику. Он обращен непосредственно к читателю: «...ну, как, братишка, живёшь? Доволен ли ты своей жизнью? Было ли в твоей жизни счастье? Ну-ка, окинь взглядом всё прожитое...» [10, с. 537] — и задан рассказчиком, который уже очень близок реальному автору, во всяком случае, каким его представляет читатель, то есть это уже не ироническая бутафория... Читатель ждет ответа на вопрос о счастье и смысле — и получает его. И ответом на этот вопрос оказывается ситуация уникальной востребованности героя, когда его никто не может заменить, когда он — единственный раз в жизни — владеет обстоятельствами и может диктовать свои условия.

Отметим два предельно обостряющих ситуацию момента. Первый: ничтожность этого короткого счастья по сравнению с реальной мглой протяженной будничной жизни: «Не заметил я, как и женился, и как на свадьбе с жениными родственниками подрался, и как жена после того дитё родила. И как в своё время скончалась. И как дитё тоже скончалось. Всё шло тихо и гладко. И особенного счастья в этом не было» [10, с. 538]. Второй: ничтожность полученного материального эквивалента «Эх, и пил же я тогда. Два месяца пил. И покупки, кроме того, сделал: серебряное кольцо и тёплые стельки. Ещё хотел купить брюки с блюзой, но не хватило денег» [10, с. 541]. Оба они призваны подчеркнуть идеальный, нематериальный характер этого торжества. Итог которому подводит вполне серьезное, совсем уже не ироническое авторское резюме: «Я с завистью посмотрел на своего дорогого приятеля. В моей жизни такого счастья не было.

Впрочем, может, я не заметил» [10, с. 541].

Робко противостоять этому практическому подходу пытаются то герой «Аристократки» («А я говорю: Не в деньгах, гражданка, счастье. Извините за выражение» [10, с. 476]), то Иван Иванович из «Богатой жизни» («Прямо хоть в петлю... Я как в первый день получил деньги, так все и началось, все несчастья... То жил спокойно и безмятежно, то полезло со всех концов» [10, с. 589]).

Но как-то уж очень неубедительно.

Что же может быть в действительности противопоставлено описанной выше модели пользы, что сильнее выгоды, денег и успеха, «ливерной колбасы», собственного здоровья и здравого смысла? Вторая важнейшая телеологическая модель связана с самоутверждением — или «амбицией».

Именно это слово (на первый взгляд безграмотно, а в действительности удивительно точно) использует герой рассказа «Нервные люди»:

«Иван Степаныч, чей ежик, кричит ему:

— Уходи, Гаврилыч, от греха. Гляди, последнюю ногу оборвут.

Гаврилыч говорит: Пушай, — говорит, — нога пропадает! А только, — говорит, — не могу я теперича уйти. Мне, — говорит, — сейчас всю амбицию в кровь разбили» [12, с. 188].

В рассказе «Рабочий костюм» речь идет не о бытовой неприятности — об оскорблении личности, которое простить невозможно. С гордостью испанского гранда герой восклицает: «Личность оскорбили, а теперь — идите... Рабочий, — говорит, — костюмчик не по вкусу? Я, — говорит, — может, сейчас сяду и поеду в Малый Совнарком жаловаться на ваши действия» [12, с. 120].

Яростная борьба не за место на фотографии, но за место в жизни есть истинное содержание рассказа «Театральный механизм»: «Ах так, говорит. Ну, так я играть отказываюсь. Отказываюсь, одним словом, освещать ваше производство. Играйте без меня. Посмотрим тогда, кто из нас важнее и кого сбоку сымать, а кого в центр сажать» [12, с. 276].

Утверждение своего права на соответствующую социальную позицию — истинное содержание рассказа «Мещане»: «Цельный день, — думает, — лазю по стремянкам и разноцветную краску на себя напускаю и не могу иттить пешком. Дай, — думает, — сяду на трамвай, как уставший пролетарий» [12, с. 283].

«Я право имею» — вот что здесь важнее всего. Склонность увязывать проблематику экзистенциальную и социологическую, попытка соотносить смысл существования и место в социальной иерархии, отсылающая к Достоевскому, — в центре всего творчества Зоценко периода «Уважаемых граждан». Достоинство, уважение — ключевые слова, даже для профессии дегустатора: «И хотя у меня контракт до осени, но я, безусловно, этого не выдержу. Я отказываюсь кушать масло. Это унижает мое человеческое достоинство. Я смотаю удочки, стибрю круг сыру — и только меня толстобрюхий управляющий и видел» («Какие у меня были профессии» [13, с. 5]).

Очевидно и родство описанной модели поведения с древним агональным инстинктом (инстинкт состязания и самоутверждения), описанным Й.Хейзингой, вот типичная реакция в «Гримасе нэпа»: «До самого Ленинграда который с усиками оскорблялся задним числом за нанесённые ему обиды» [12, с. 388]. Более того — речь может идти даже о крайних проявлениях этого инстинкта: Й.Хейзинга описывает эксцессы, до каких доходили охваченные агональным инстинктом вожди племени квакиутль — этот обычай под названием «потлач», заключается в соревновании по уничтожению из лихости и гордости собственного имущества [14, с. 74-78]. У Зоценко в результате азартного соревнования двух кочегаров котельная, где они работают, оказывается на грани катастрофы:

«Эге, — думает — шесть атмосфер? Да я тебе, бродяге, четыре устрою. И воду, подлецу, с резервного котла спущу. Пушай все к чертовой матери лопається».

Сказано — сделано. Спустил кочегар до четырех атмосфер. И пар из резервного котла выпустил. Ждет, что будет.

На другой день хотел Рыжиков до двух атмосфер спустить и крантик вообще отломить к чертовой бабушке. Но не пришлось. Специальная комиссия взяла кочегаров в оборот» («Два кочегара» [12, с. 24]).

Почему же для героя Зоценко эта проблема так актуальна, почему он на ней так сконцентрирован? Почему это право на клочки достоинства он так яростно и нелепо отстаивает?

Очевидно потому, что действительность в которой он существует, предполагает совсем иное. Предполагает жизненно необходимую возможность приспособления к любым обстоятельствам, невзирая на достоинство, гордость или предполагаемые права: «Человек не блоха — ко всему может привыкнуть». («Кошка и люди» [12, с. 406]).

Привыкать придется ко всему: жить в ванной («Кризис»), пригибаться, когда через тебя прыгает разыгравшаяся молодежь («Ростов») и терпеть любое унижение: «Мужьям-то ведь форменная труба выходит. Особенно тем, у которых, знаете, жена передовыми вопросами занята» («Муж» [12, с. 143]).

Потому-то и гордится человек, пока есть у него хоть какая-то для этого возможность: «Вот Володя сел в поезд и начал маленько проявлять себя. Дескать, он это такой человек, что все ему можно. И даже народный суд, в случае ежели чего, завсегда за него заступится. Потому у него — пуцай публика знает — происхождение очень отличное. И родной дед его был коровьим пастухом, и мамаша его была наипростая баба... И вот мелет Володька языком — струя на него такая нашла — погордиться захотел» («Тормоз Вестингауза» [12, с. 138]).

Отметим, впрочем, что Зоценко на героя своего смотрит в высшей степени трезво — поверивший в возвращение собственной значительности и достоинства, дорвавшийся до него, как до бесплатной карусели, он может быть и страшен. В нем явственно проступают черты предсказанного Мережковским «грядущего хама», неожиданно возвращенное право на уважение к личности он использует прежде всего для унижения того, кто рядом:

«Скажи пожалуйста, — думал Фома, — портрет выводят... Неужели же мужику царский почет?» Фома погнал лошадей, но у леса вдруг повернул назад и поехал в город. Остановился Фома у вокзала, привязал лошадь к забору и вошел в помещение. Было почти пусто. У дверей, положив под голову мешок, спал какой-то человек в мягкой шляпе.

Фома купил на две копейки семечек и присел на окно, но, посидев минуту, подошел к спящему и вдруг крикнул:

— Эй, шляпа, слазь со скамьи! Мне сесть надо...

— Человек в шляпе раскрыл глаза, оторопело посмотрел на Фому и сел. <...>

Фома присел рядом, отодвинул мешок и стал со вкусом жевать семечки, сплевывая шелуху на пол.

«Не врут, — думал Фома. — Почет, все-таки, заметный. Слушают. Раньше, может, в рожу бы вlepили, а тут слушают, пугаются. Ишь ты, как все случилось, незаметно приключилось... Скажи на милость... Не врут» («Фома неверный» [10, с. 568-569]).

Помимо указанных важнейших в произведениях Зоценко заявлено довольно большое количество телеологических моделей; назовем некоторые из них.

Разновидностью первой модели — пользы, устроенности, а значит удобства и удовольствия — можно считать красивую жизнь. В «Качестве продукции» герой говорит: «Мелкий немецкий тальк мне ни к чему. Только что родившихся ребят у меня нету. Пуцай это будет пудра. Пуцай я буду после каждого бритья морду себе подсыпать. Надо же культурно пожить хоть раз в жизни». [12, с. 301-302].

Гораздо интереснее вариант, который можно обозначить как случай правильной организации жизни — наполнения ее «позитивом»: «Сергей Петрович стоял неподвижно, склонив голову. Он думал о кратковременной жизни и о непрочности человеческого организма и о том, что надо эту жизнь заполнять погуще всякими отличными делами и веселыми приключениями» («Веселое приключение» [8, с. 170]). Сравним в другом тексте: «Он не о такой мечтал жене и не на такую провинциальную жизнь он рассчитывал. Ему казалось все это временным, случайным и проходящим. И что вскоре начнется другая жизнь, полная славных радостей, восторгов, подвигов и начинаний». («М.П.Синягин. (Воспоминания о Мишеле Синягине)» [8, с. 284])

Весьма факультативно — и с явной насмешкой — в качестве цели представлено искусство: «Старуха обиженно сказала, что у них сорок лет стоит этот рояльчик и для былинкинских прихотей не могут они его сломать или выдернуть из него струны и педали, тем более, что Лизочка Рундукова обучается игре на инструменте и, может быть, это у ней основная цель к жизни.

Былинкин сердито отмахнулся от старухи» («О чем пел соловей» [8, с. 124]).

Находит свое место в парадигме и служение отечеству — впрочем, достаточно саркастически прокомментированное: «Автор не знает, что самое главное, самое, так сказать, великолепное в нашей жизни, из-за чего стоит, вообще говоря, существовать на свете. Может быть, это служение отечеству. Может быть, служение народу и всякая такая ураганная идеология. Может быть так. Скорей всего, что так. Но вот в личной жизни, в повседневном плане, кроме этих высоких идей, существуют и другие, более мелкие идейки, которые, главным образом, и делают нашу жизнь интересной и привлекательной. Автор ничего не знает о них и не берется запугивать простые и малокультурные умы своими на этот счет глупыми изречениями. Решительно не знает автор, что самое привлекательное в жизни». («Веселое приключение» [8, с. 150]).

Знаменательно, что исключением на общем язвительно-насмешливом фоне оказывается вариант, предложенный без тени иронии — любовь: «Вот когда госпожа смерть, подойдет неслышными стопами к нашему изголовью и, сказав «ага», начнет отнимать драгоценную и до сих пор милую жизнь, — мы, вероятно, наиболее всего пожалеем об одном чувстве, которое нам при этом придется потерять. Из всех дивных явлений и чувств, рассыпанных щедрой рукой природы, нам, наверно, я так думаю, наизяльче всего будет расстаться с любовью». («Голубая книга» [7, с. 389]).

Нас не может ввести в заблуждение насмешливая интонация, создающая в данном случае интонацию дружеской беседы с читателем — в этом случае сам Зоценко, проступающий сквозь маску рассказчика, серьезен, как никогда: «Иной раз только автору кажется, что после общественных задач на первом плане стоит любовь. И что любовь — самое привлекательное занятие. <...>

Ах, читатель! Ах ты, милый мой покупатель! Да знаешь ли ты это драгоценное чувство любви, этот настоящий любовный трепет и сердечные треволения? Не кажется ли тебе это самым драгоценным, самым привлекательным в нашей жизни? Автор повторяет — он не утверждает этого. Он решительно не утверждает. Он надеется, что есть в жизни что-то еще более лучшее и более прекрасное. Автору только иногда кажется, что нет ничего выше любви и что любовь, пожалуй, очень большое и очень привлекательное занятие». («Веселое приключение» [8, с. 150-151]).

Оправданием жизни (как это часто будет происходить у Довлатова) может стать яркий поступок: «Ты не горюй, — говорил мужик. — Не было у тебя лошади, да и эта не лошадь. Ну, пропил, — эка штука. Зато, браток, вспрыснул. Есть что вспомнить». («Беда» [10, с. 467]). (Аналогичный принцип — агональный, по сути своей — обуславливает поведение героя и в рассказе «Тормоз Вестингауза»).

Весьма иронически представлено абстрактно заявленное высокое предназначение — на менее язвительно, чем Чехов, говорит Зоценко об этой беспочвенной уверенности, смешон оказывается Мишель Синягин, убежденный в своей исключительности: «Мишель сдержанно сказал, что он сделает то, что обещано, но что на дальнейшую совместную жизнь он не дает гарантии. Может, он проживет в Пскове год или два, но в конце концов он, скорей всего, уедет в Москву или Ленинград, где он и намерен продолжать свою карьеру, или, во всяком случае, будет там искать соответствующей жизни, удовлетворяющей его потребностям. Не оскорбляя девушку словами, Мишель все же дал ей понять разницу в их, если и не положении, которое уравнилось революцией, то, во всяком случае, назначении жизни» («М.П.Синягин. (Воспоминания о Мишеле Синягине)» [8, с. 289-290]).

Особого внимания заслуживают две уникальные модели, никем ранее не исследованные и не описанные.

Первая — ироническая вариация на тему, излюбленную советской идеологией, блоковского вечного боя — и покоя, который только снится. Речь идет о борьбе, которая может неузнаваемо преобразить повседневное существование: «И дозвоьте заместо этой голой философии рассказать про одного такого утомленного человека. О том, как он перестал грустить и вроде как бы отыскал настоящий смысл жизни». («Не все потеряно» [12, с. 449]). Вот только в перевернутом, страшно искаженном мире акценты расставлены по-иному: человек оказывается не строителем своей судьбы, а скорее результатом причудливо сложившихся недобрых жизненных обстоятельств: «А там, может, бегая по своим делам, Иннокентий Иванович снова сломает еще одну ручку или вывихнет ногу. И, может, помрет счастливый в полном довольстве. И, помирая, будет думать о своих делах, которые наполнили ему жизнь, и о той борьбе, которую он с честью вынес на своих плечах. Недаром в свое время товарищ Буденный воскликнул: „И вся-то наша жизнь есть борьба”» [12, с. 454].

Второй случай еще интереснее: он состоит в доказательстве порочности мира как оправдании собственного существования: «Тут кто-то с удивлением произнес, когда она ушла:

— И зачем ей это, братцы мои? Или она хочет воровство искоренить?

Другой пассажир, усмехнувшись, ответил: — Да нет, ей просто охота, чтоб все люди вокруг воровали». («На живца» [15, с. 11])

Вышеприведенной парадигме противопоставлено не чуждое, очевидно, и самому Зоценко размышление о возможном отсутствии смысла в жизни. Или, что в принципе то же самое, о присущем жизни очень простом смысле, интеллектуально не познаваемом: «Автору кажется, что это форменная брехня и вздор, когда многие и даже знаменитые писатели описывают разные трогательные мучения и переживания отдельных граждан... Автор думает, что ничего этого по большей части не бывает. Жизнь устроена гораздо, как бы сказать, проще, лучше и пригодней. И беллетристам от нее совершенно мало проку» («М.П.Синягин. (Воспоминания о Мишеле Синягине)» [8, с. 313]).

Приходится признать, что в целом телеологическая парадигма Зоценко представляет собой достаточно мрачную картину. Более мрачную, чем у Чехова — в отличие от него у Зоценко трудно выделить иерархию позитивных моделей. Противопоставлено ли что-нибудь взгляду зоценковского героя, простодушного? Иная точка зрения на жизнь и на смысл человеческого существования у Зоценко представлена только косвенно, не впрямую. Пожалуй, наиболее внятно — в финале повести «Перед восходом солнца», где фрагмент стихотворения греческой поэтессы Праксиллы изменен автором так: «Вот что прекрасней всего из того, что я в мире оставил: Первое — солнечный свет, второе искусство и разум» [9, с. 382].

Подводя итог, отметим три важнейших момента.

Первое. В докладе о телеологической парадигме Чехова нами была предложена предельно упрощенная иерархия телеологических моделей — она предполагает всего два типа: модель-якорь (убежденность в

собственном компетентном знании как и для чего надо жить, дающая уверенность) и модель-вектор (мучительный поиск смысла, устремленность ввысь). Герои Зоженко, от примитивного Васи Былинкина до утонченного Мишеля Синягина — объединены очень важным обстоятельством. Во всех случаях присутствует это модель-якорь, а модель-вектор отсутствует.

У Зоженко не звучит плач героя по отсутствию смысла. Чеховская фраза «Осмысленная жизнь без определенного мировоззрения — не жизнь, а тягота, ужас» (письмо Чехова Суворину 28.11.1888 [16, с. 80]) — здесь пустой звук. То есть нет и поля, по которому бредет чеховский герой, поля, протянувшегося между крайними точками: «есть смысл» и «нет смысла».

У Зоженко практически отсутствует герой, мучительно размышляющий о том, в чем смысл и для чего живет человек. Это мир, в котором все ясно.

Второе. Простота эта и ясность — результат авторского лукавства. Это обманчивая стерильность лаборатории. Зоженко более всего похож здесь на Салтыкова-Щедрина. Он страшно далек от своего героя, простодушного, он никогда не сказал бы, подобно Флоберу: «Мадам Бовари — это я». Изучая способ устройства отдельного индивидуума в жизни, он экспериментирует с человеческим материалом, конструирует своих очень далеких от автора героев для иллюстрации все одного и того же: на что способен человек, каким он бывает в разных обстоятельствах, что испытывает он «у жизни в лапах»... Зоженко создает своих Былинкиных, Конопатовых, Ящиковых, Пестриковых, Снопковых как фигурки, оживляющие кусочки этой огромной и увлекательной мозаики, новой человеческой комедии примерно так же, как Салтыков-Щедрин наряжает в звериные маски своих условных действующих лиц.

Третье. Рассмотрение творчества Зоженко под этим углом зрения заставляет вновь задуматься о месте его в классической русской литературе. Общеизвестно сознательное противопоставление писателя себя классической традиции: «Обойдусь без толстых журналов. Им нужно нечто „обыкновенное“. Им нужно то, что похоже на классику. Это им импонирует. Это сделать весьма легко. Но я не собираюсь писать для читателей, которых нет. У народа иное представление о литературе» [9, с. 98]. Даже тот небольшой материал, которого мы коснулись в настоящей статье, позволяет предположить, что заявленная Зоженко жесткая идеологическая позиция — как это бывало у него весьма часто — весьма далека от действительного положения дел. Мы видим, насколько очевидно присутствуют в текстах Зоженко Салтыков-Щедрин, Гоголь, Чехов и Достоевский — вплоть до прямых совпадений, сравним: «Ко всему-то подлец-человек привыкает!» («Преступление и наказание» [1, с. 29]) — и приведенное выше «Человек не блоха — ко всему может привыкнуть» («Кошка и люди» [12, с. 406]).

На этом фоне особенно интересны собственно зоженковские открытия — описанные выше телеологические модели, ранее, насколько нам известно, не описанные, однако для нашей литературной антропологии очень органичные.

1. Достоевский Ф.М. Собр.соч.: В 12 т. Т. 5. М., 1982. 542 с.
2. Румянцев О.К. Диалектическая телеология. М., 1998. 171 с.
3. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. 1248 с.
4. Большой словарь по социологии [Электр. ресурс]. URL: <http://www.rusword.com.ua/rus/index.php>. (дата обращения: 15.01. 2017).
5. Воспоминания о Михаиле Зоженко. СПб., 1995. 608 с.
6. Лицо и маска Михаила Зоженко. М.: Олимп, 1994. 366 с.
7. Зоженко М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. Голубая книга. Возвращенная молодость. История одной перековки. М., 2008. 816 с.
8. Зоженко М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. Сентиментальные повести. М., 2008. 640 с.
9. Зоженко М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. Перед восходом солнца. М., 2008. 784 с.
10. Зоженко М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. Разночье. Рассказы и фельетоны 1914—1924. М., 2008. 848 с.
11. Семкин А.Д. «Или знать, для чего живешь, или же все пустяки, трын-трава». К вопросу о телеологической парадигме чеховского мира // Чеховские чтения в Ялте. Вып. 22. Чехов на мировой сцене и в мировом кинематографе: Сборник научных трудов. Симферополь, 2017. 223 с.
12. Зоженко М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. Нервные люди. Рассказы и фельетоны 1925—1930. М., 2008. 752 с.
13. Зоженко М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. Личная жизнь. Рассказы и фельетоны 1932—1946. М., 2008. 640 с.
14. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. 464 с.
15. Зоженко М.М. Рассказы и повести. Л., 1959. 680 с.
16. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 3. М., 1976. 574 с.

References

1. Dostoevskiy F.M. Works in 12 vols, vol. 5. Moscow, 1982. 542 p.
2. Rumyantsev O.K. Dialekticheskaya teleologiya [Dialectical teleology]. Moscow, 1998. 171 p.
3. Ehntsiklopediya ehptsemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Moscow, 2009. 1248 p.
4. Bol'shoy slovar' po sotsiologii [The great dictionary of social science]. Available at: <http://www.rusword.com.ua/rus/index.php>. (accessed: 15.01. 2017).
5. Vospominaniya o Mikhaile Zoshchenko [Memoirs of the life of Mikhail Zoshchenko]. Saint Petersburg, 1995. 608 p.
6. Litsa i maska Mikhaila Zoshchenko [The face and the mask of Mikhail Zoshchenko]. Moscow, 1994. 366 p.
7. Zoshchenko M.M. Works in 7 vols, vol. 5. Moscow, 2008. 816 p.
8. Zoshchenko M.M. Works in 7 vols, vol. 3. Moscow, 2008. 640 p.
9. Zoshchenko M.M. Works in 7 vols, vol. 7. Moscow, 2008. 784 p.
10. Zoshchenko M.M. Works in 7 vols, vol. 1. Moscow, 2008. 848 p.
11. Semkin A.D. "Ili znat', dlya chego zhivesh', ili zhe vse pustyaki, tryn-trava". K voprosu o teleologicheskoy paradigme chekhovskogo mira

- ["Whether you know the reason to live, or all the same". Towards the problem of teleological paradigm of Chekhov's world]. Proc. of "Chekhovskie chteniya v Yalte, iss. 22". Simferopol', 2017. 223 p.
12. Zoshchenko M.M. Works in 7 vols, vol. 2. Moscow, 2008. 752 p.
 13. Zoshchenko M.M. Works in 7 vols, vol. 4. Moscow, 2008. 640 p.
 14. Kheyzinga Y. Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya [Homo ludens. In the shade of tomorrow]. Moscow, 1992. 464 p.
 15. Zoshchenko M.M. Rasskazy i povesti [Short stories and novels]. Leningrad, 1959. 680 p.
 16. Chekhov A.P. Complete works and letters in 30 vols, letters in 12 vols, vol. 3. Moscow, 1976. 574 p.

Semkin A.D. "Towards the problem of teleological paradigm of M.M. Zoshchenko". This article is devoted to various ways of actualization of closely related motives of the meaning of life, reason for being, life success or failure, in the works of M.M. Zoshchenko that represent his teleological paradigm. This paper considers both the writer's reflections on this subject presented in his personal records and scores of possible worldview models, reflected in Zoshchenko's works throughout the creative career.

Keywords: worldview, teleological model, reason, meaning of life, life success, model paradigm, duty.

Сведения об авторе. А.Д.Семкин — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, доцент кафедры литературы и искусства, член СП Санкт-Петербурга, Российский государственный институт сценических искусств, Государственный литературный музей «XX век» (Санкт-Петербург), gerasim.61@mail.ru. Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.10.2018.